

с этим связана и перестройка всего плана повествования: о крови, пролитой на месте основания Москвы, рассказывается лишь в конце произведения и безо всякой ассоциации с обстоятельствами построения «ветхого» и «нового» Рима.

Схема первого эпизода «Сказания» — описания убийства князя Даниила — несомненно навеяна рассказом «Повести» об убиении Андрея Боголюбского: в обоих произведениях убийство совершают сыновья Кучки, им помогает жена князя, носящая то же имя Улита (хотя и с новым отчеством — Юрьевна). В речи испуганных Кучковичей есть даже прямой отголосок «Повести»: братья, представляя себе, как князь отомстит им за злодеяние, говорят Улите: «а тебе, княгина Улита Юрьевна, повешеной быть на воротех и зле ростиляной» (в «Повести» князь Михаил «повеле княгиню повесити на вратех и растреляти ю изо многих луков»).⁶

Однако эта общая обоим произведениям схема разработана автором «Сказания» совсем по-новому, с привлечением иных литературных источников. Напомним, что «Повесть» построила рассказ об убийстве князя Андрея, воспользовавшись сложившимся издавна в литературе агиографическим образом князя Боголюбского и украсив сцену убийства хронографической картиной убийства императора Никифора Фоки. Иные литературные и фольклорные припоминания питали воображение автора «Сказания», стремившегося увлечь читателя драматичностью рассказа об убийстве Даниила, но совершенно отбросившего всякие попытки сохранить в этом рассказе оттенки историчности.

Мы уже видели, что героем этого эпизода оказался князь Даниил, названный Суздальским, хотя исторический Даниил владел Москвой, — по «Сказанию», и самая Москва была заложена уже после смерти князя. Не внеся в изображение Даниила ничего исторического, автор «Сказания» не воспользовался и характеристикой князя Андрея «Повести» (и предшествующей «Повести» литературной традиции). В Данииле «Сказания» нет ничего аскетического, идущего от агиографической традиции, нет и следов его идеализации в духе «Степенной книги». Даниил лишен определенной характеристики в «Сказании» — можно уловить лишь некоторую его доверчивость: он «жаловал» Кучковичей, не замечая, что они «зжилися любезно» с его вероломной женой; не подозревая обмана, он отдает «наперед» свой перстень «перевощику». Он растерялся — бросил коня в лесу, еще не добежав до Оки-реки. В то же время он угрозой отобрал сыновей у боярина Кучки.

Сняв с Даниила налет прижизненной святости, автор «Сказания» вынужден был и самому конфликту его с женой дать иное объяснение. В «Повести» аскетические наклонности Андрея вызывают озлобление страстной княгини. В «Сказании» пылкая любовь Улиты к обоим красавцам Кучковичам является причиной ее желания убить мужа, стать свободной. О возможном источнике такой ситуации скажем ниже.

Но если Даниил «Сказания», в отличие от Андрея «Повести», при жизни не представляется читателю святым, то, невинно убитый, он после смерти изображается автором «новым мучеником», подобным трем старшим — Борису, Глебу и Святославу, убитым братом Святополком. Так, в круг литературных источников автора вступает произведение, широко использованное затем при описании мести князя Андрея Александровича

⁶ В «Сказании» еще добавлено: «или в землю по плечь живой быть закопаной». Это бытовая деталь: в Уложении 1649 г. (Полное собрание законов Российской империи, т. 1. СПб., 1830, гл. 22, ст. 14) читаем: «а будет жена учинит мужу своему смертное убийство . . . и ее за то казнити, живу окопати в землю и казнити ее такую казнию безо всякия пощады».